

Вес хороший, но крутится не особо быстро.

Тан Фэн внимательно посмотрел на волан, поправил положение перьев и попробовал ещё раз, до тех пор, пока результат его не удовлетворил, прежде чем перейти к следующему.

Через некоторое время Тан Фэн вернулся в комнату с тремя готовыми воланами, открыл деревянную коробку с письменными принадлежностями, достал кисточку и подписал каждый арабскими цифрами: 1, 2 и 3.

Наступила ночь, но в деревне было не так тихо, как обычно. Из какого-то двора раздался звук петард, а вскоре зазвучал и по всей деревне.

Приветствия взрослых и шум детей достигли ушей Тан Фэна. В этот момент он вдруг осознал, что провел уже год в этом мире.

Тан Фэн осторожно зажег пао чак и отошел к карнизу, встав рядом с Линь Юем и родителями. Они все вместе смотрели, как бамбуковая петарда прыгает, как живая, издавая звуки взрыва раз за разом.

«Пао чак» — прототип фейерверка в Древнем Китае; молодые стебли бамбука, которые при соприкосновении с огнем взрывались с сильным хлопком.

Кто-то нежно взял его руку, расслабленно опущенную, и Линь Юю не нужно было даже поворачивать голову — он знал, что человек, которого он любит больше всего, смотрит на него и улыбается.

Мне повезло, что ты у меня есть.

— Почему ты ешь только овощи? Ешь больше мяса! — Тан Амо посмотрел на Тан Фэна, который тянул палочки прямо к тарелке с «травой», его голос был строгим.

— Верно, это копченое мясо очень вкусное! Кстати говоря, не знаю, понравилось ли оно нашим родственникам, — отец Тан схватил палочками кусок жареного мяса с ростками чеснока и с удовольствием на лице засунул его в рот.

После того, как копченое мясо было готово, Тан Фэн научил этому способу Линь Юя. Очень быстро семья Тан обнаружила, что такое мясо действительно вкуснее, чем просто засоленное, поэтому отец Тан, который объелся до того, что его живот округлился, упаковал два куска и

принес их семье Линь. Уходя, он не забыл объяснить, как готовить такое мясо, следуя словам Тан Фэна.

— Оно вкусное, но его нелегко приготовить. А Фэн, всё это сделал Сяо Юй, разве ты не думаешь, что должен съесть больше? — восхваляя Линь Юя, Тан Амо не забыл уговорить Тан Фэна поднять свои палочки для еды ещё раз.

Мужчина беспомощно улыбнулся:

— Амо, я в одиночку уже съел почти полтарелки мяса. Тебе не кажется, что я ем слишком много?

— Даже если ты сегодня съешь всё, что есть на этом столе, твой Амо всё равно будет думать, что этого недостаточно, ты в это веришь? — вмешался отец Тан со смехом.

— Верю, конечно, я верю.

Тан Фэн действительно больше не мог есть. Ему не хотелось думать, было ли всё то мясо, что он съел ранее, всё ещё мясом или уже салом.

Все, что собирал для него Тан Амо, — это большие блестящие от жира куски мяса, и каждый раз причина заключалась в следующем: «Это то, над чем твой фулан упорно трудился, ты разочаруешь его, если не съешь ещё немного». Тогда Линь Юй поднимал на него свой пристальный взгляд, и Тан Фэн не мог не есть.

— Вы двое, отец и сын, напали на меня вместе! Сяо Юй, давай, ешь ещё, — Тан Амо взял палочками жареное мясо с чесноком, затем кусок вареного мяса, а потом ещё и несколько кусочков курицы. Тарелка Линь Юя наполнилась до краев за считанные секунды.

Тот посмотрел на свою миску с рисом, в которой теперь было видно только мясо, и наконец понял, почему Тан Фэн больше не мог есть.

— Фулан, — Тан Фэн с озорной улыбкой посмотрел на Линь Юя, у которого было беспомощное выражение лица, — это то, что Амо лично собрал для тебя, ешь скорее.

Умоляй меня, умоляй меня, и я позволю тебе не есть всё это.

Линь Юй поднял брови, поняв значение слов Тан Фэна.

— В твоих мечтах! Думаешь, ты устроил недостаточно «проблем» прошлой ночью?!

— Как их может быть достаточно! В этой жизни таких «проблем» никогда не будет достаточно!

...

Тан Амо, увидев, как молодая пара обменивается флиртующими взглядами у него под носом, вздрогнул.

— Ешь овощи, ешь овощи, — отец Тан, сидевший рядом с ним, взял немного еды из большой тарелки и положил своему фулану.

У Тан Амо вдруг не осталось сил заботиться о Тан Фэне и Линь Юе. Глядя на овощи в своей миске, он почувствовал себя немного несчастным.

Этот проклятый старик, сегодня Новый год, а он не дал ему ни кусочка мяса, одну зелень!

Тан Амо поднял взгляд. «Проклятый старик» тоже смотрел на него, и как только их взгляды пересеклись, лицо Тан Амо стало необъяснимо горячим, и прежде чем он понял, овощи в тарелке были уже съедены.

Тц-тц.

Он даже не распробовал.

После ужина семья сидела в главном зале, греясь у жаровни и болтая.

— Сяо Юй, как отмечают Новый год в твоей семье? — отец Тан вдруг заинтересовался, как семья Линь встречает праздник.

— Что ты такое спрашиваешь! — Тан Амо яростно пнул отца Тан по ноге. — Как ещё можно отпраздновать Новый год! Разве не все делают это одинаково!

Отец Тан усмехнулся, но все равно повернулся и посмотрел на Линь Юя глазами, полными любопытства.

Тан Фэн изначально думал, что все отмечают одинаково, но когда Тан Амо произнес эти слова, выражение лица его фулана уже подсказало мужчине, что его необыкновенный тесть не будет жить такой же жизнью, как все остальные.

Линь Юй вспоминал, как их семья отмечала Новый год в прошлом, когда он был дома. Через

некоторое время он прошептал:

— Ну, просто...

На самом деле Новый год отца Линя - самое скучное время для него.

Холодная погода - значит, добыча будет прятаться, и охотиться неудобно.

Сильный ветер и снег - значит сидеть весь день дома и скучать.

Оставаться дома - значит, мужчина много разговаривает и грустит.

...

Слишком многое не устраивает отца Линь, поэтому в ночь воссоединения он обычно водружает на стол свое наследственное вино из тигриного корня, наливает себе и выпивает глоток за глотком.

Но через несколько мгновений он начинает прыгать перед всей семьёй.

Когда Линь Юй был ребенком, ему всё ещё было немного любопытно. Иногда он и его братья прыгали вместе с отцом, а Линь Амо молча ел в сторонке, даже не глядя на них, не говоря уже о совместном участии.

Когда они выросли, трое детей стали такими же, как Линь Амо: они сидели за столом и ели свою еду, даже не взглянув на прыгающего вокруг отца Линь.

Когда отец Линь заканчивал прыгать, он пользовался силой алкоголя, которое ещё не выветрилось из его головы, чтобы рассказывать Линь Юю и остальным, почти закончившим трапезу, о происхождении этого вина, не забывая возбужденно хлопать по столу и кричать. От этого вены на лбу Линь Амо вздувались, но отец Линь всё ещё ничего не осознавал. Он вставал и, позируя, показывал им, как их предки в то время поймали этого большого кота и как они отрезали его тигриный корень.

Наконец, когда Линь Амо, Линь Юй и остальные заканчивали убирать посуду со стола и мусор с пола, отец Линь прекращал своё театральное выступление.

Но это ещё не конец.

В завершение отец Линь становился на колени на землю, обнимал Линь Амо за бедро и кричал: «Сяо Хуан!». На этом терпение Линь Амо кончалось, и он поднимал кулак и избивал своего

мужа, который всё ещё звал «Сяо Хуана».

Сяо Хуан был желтым котом, которого отец Линь кормил, когда был ребенком, но он уже мертв.

Линь Юй, который с детства наблюдал, как из его отца выбивают всю дурь в ночь воссоединения, полагал, что брак именно таким и должен быть.

То же самое было и в прошлом году.

Но в этом году Линь Юя не было дома.

— В этом году должно быть то же самое! Как и ожидалось от зятя! Ха-ха-ха, я, Лао Тан, восхищаюсь им! — отец Тан рассмеялся, услышав это. Хотя Тан Фэн и Тан Амо не смеялись так преувеличенно, они тоже не скупались на улыбки.

Линь Юй подумал о своем отце, посмотрел на ночь за окном и мысленно прикинул время. В этот момент отец, должно быть, только что обнял Амо за бедро и начал звать «Сяо Хуана».

В доме семьи Линь Линь Чжуан и Линь Вэнь, сидевшие в стороне и поедающие закуски, без удивления посмотрели на своего отца, который держал Амо за бедро и звал Сяо Хуана, а затем молча отвели взгляд.

Линь Чжуан: тебя снова побьют, отец.

Линь Вэнь: опять эта сцена, второй брат, даже если ты уйдешь, эта семья не изменится.

Что мы можем сделать, чтобы спасти тебя, отец наш?

Сердца трёх братьев Линь всегда с тобой.

Плавно наступил первый день нового года.

Линь Юй потерял свою больную и воспаленную талию и последовал за Тан Фэном и родителями Тан на самое северное поле деревни, чтобы поклониться предкам семьи Тан.

Принесенные подношения они положили перед могилой.

Молодые люди зажгли по благовонной палочке и сделали несколько взмахов под руководством отца Тан, а затем постояли перед могилами в тишине некоторое время. После того, как благовонные палочки догорели, Тан Амо поманил Тан Фэна и Линь Юя подойти к нему и вручил каждому палочки для еды.

— Давайте, съешьте понемногу каждое блюдо. Не нужно есть слишком много, достаточно намерения.

Согласно этому ритуалу, как только палочки благовоний догорели, духи предков закончили есть подношения. В это время младшие члены семьи выйдут вперед, чтобы съесть каждое подношение, которое ели предки, и после того, как младшие закончат, год станет безопасным и гладким.

Еду-подношения ставили на снежную землю. Хотя вся еда была в тарелках, сегодня было настолько холодно, что она уже покрылась инеем. Тан Фэн и Линь Юй съели только по самому маленькому кусочку.

Несмотря на это, Тан Фэн всё равно почувствовал, что его язык онемел от холода.

Вернувшись домой, Тан Фэн поспешно налил несколько мисок горячей воды, передал отцу Тан и Тан Амо, затем Линь Юю и, наконец, взял кружку себе.

— Уф, я чувствую себя гораздо комфортнее, — отец Тан вздохнул, поставил пустую миску на стол и выдохнул горячий пар изо рта.

— Тебе-то что, самые замерзшие - это А Фэн и Сяо Юй. Дети, пейте больше горячей воды, чтобы не заболели, — проинструктировал их двоих Тан Амо.

— Хорошо, Амо, — Линь Юй допил вторую кружку горячей воды и теперь чувствовал себя намного лучше.

— Амо, отец, вы тоже раньше выполняли этот ритуал? — спросил Тан Фэн.

Такие действия были очень суеверными, но он не мог их опровергнуть. Как убежденный материалист, Тан Фэн был немного смущен перед своей совестью.

— Ай, нам с твоим Амо тоже было тяжело. Твоему Амо было легче, он второй по старшинству ребенок, и у него есть младший - твой третий дядя, поэтому, когда они были младше, они могли разделить это бремя друг с другом. Но я был единственным саженцем нашей семьи Тан, поэтому мне приходилось есть все в одиночку.

Когда отец Тан вспомнил об этом сейчас, он почувствовал, что был действительно наивен, съедая полные тарелки.

Тан Амо был недоволен.

— Что значит мне было легче? Разве после того, как я женился на тебе, я не следовал за тобой поклоняться твоим предкам?!

— Да, да, да, я был неосторожен, это моя вина, — отец Тан быстро сдался, предпочитая не спорить о каких-то мелочах в этот благоприятный день.

Видя отношение своего мужа, Тан Амо прекратил его преследовать и сказал Тан Фэну и Линь Юю:

— Сегодняшний день не очень подходит для выхода на улицу, так что не нужно сегодня ходить за поздравлениями. Завтра и послезавтра будут отличные дни.

Здесь, в этом мире, в начале года люди рассчитывают хорошие и плохие дни, а затем выбирают подходящее время, чтобы поздравить соседей и родственников с Новым годом.

— Хорошо.

Тан Фэн собрал миски, отнес их на кухню, чтобы помыть, а затем снова сел в главном зале со своей семьей. Он посмотрел на сильный снегопад за окном спросил:

— Интересно, когда снег закончится?

О петардах:

Существует гипотеза о том, что в Китае прототипом фейерверка был бамбук. Когда его молодые стебли кидали в костер, они взрывались с сильным хлопком.

Происходило это из-за того, что при сильном нагреве сок зелёного бамбука превращался в пар. В плотных полостях стеблей создавалось давление, приводящее к взрыву. Громкие звуки сначала пугали китайцев, ведь подобное они видели впервые. Позже люди начали думать, что громкие хлопки взрыва молодых стеблей могут пугать и злых духов.

Бамбук стали взрывать на разных торжествах в честь нового года, свадьбы, дня рождения или других праздников. Взрывающиеся стебли назывались «пао чак». Такой бамбуковый фейерверк использовался китайцами вплоть до изобретения пороха, которое произошло примерно 1200 лет назад.

<http://bllate.org/book/16055/1434451>